

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Сошествие во ад

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0010
III.....	.0014
IV.....	.0018
V.....	.0020
VI.....	.0025
VII.....	.0028
VIII.....	.0032
IX.....	.0036
X.....	.0040
XI.....	.0042

Николай Лесков
Сошествие во ад
(Апокрифическое сказание)

Искусство сберегло нам полное представление о том, что, *по свидетельству очевидцев*, назад тому 1860 лет происходило в миновавшую ночь в Раю и в преисподней.

Памятник, который передает это, — есть икона «Воскресения с сошествием» древнего, греческого типа, точно воспроизводимая русским «Строгановским подлинником», о которой летом 1893 года писали друзья наши французы, обсуждая изображение со стороны «фантазии художника». Эта икона совсем не похожа на «живописную» икону, «полагаемую» сегодня на аналои господствующей церкви. На новой иконе изображен гроб, какого не знали в Иудее в Христово время, — Христос представлен взлетающим на воздух, с знаменем в руке, а внизу два спящие воина. Иногда прибавляется еще ангел, отваливающий «крышу» гроба, тогда как, держась синоптика, надо бы изображать, что ангел отваливает «камень у двери гроба». В новой иконе нет никакой археологической верности и никакого указания на события, сопровождав-

шие воскресение Христа на небе, на земле и в преисподней.

Сюжет «полной» иконы очень интересен и много говорит воображению: в нем мы наглядно видим, как представляли себе события христиане ранних веков, имевшие о воскресных «деяниях» много таких сведений, каких мы не имеем и принять их не желаем или не можем, потому что основательность их не достоверна. Однако, по этим-то именно представлениям и сочинен рисунок икон «Воскресения с сошествием во ад», который и внесен в «Подлинник» (установленный образец). Только одному невниманию русских к уяснению своих памятников следует приписать то, что многие до сих пор видят в «полной» иконе «Воскресения с сошествием» «фантазию». Древний иконописец или изограф не смел фантазировать, а он рабски воспроизводил только то, что установлено «Подлинником». Что же такое мог принимать в соображение первый сочинитель рисунка? Вот тут и является огромное значение апокрифа, без которого совсем нельзя понять (и никто не понимает), откуда и на каком основании на много-

чтимую воскресную икону древнегреческого типа нанесены такие «деяния» в Аду и в Раю, для которых в канонических книгах нет указания.

Прежде всего скажем вкратце, что представляется на почитаемой «полной иконе с сошествием».

Здесь не три лица (Христос и два спящие воина), а тут всего изображено около ста тридцати лиц, и все эти лица в «деяниях», то есть они изображены действующими, причем «деяния» идут сразу в «трех планах»: а) посередине – на земле, б) наверху – в Раю и в) внизу – в преисподней у Сатаны. Христос «во едином часе» является во всех трех планах: он на земле воскресает, во аде казнит Сатану и Смерть и в Раю – вводит «содержавшихся связанными от Адама». Чтобы понять изображение, надо начинать смотреть его с среднего плана, где Христос воскрес и стоит весь «облистанный» лучами сияния. Под ногами его уже упавшие крест-накрест «врата адовы». Они сорвались с петель от «сокрушенных вереи» (притолок) и с грохотом летят вниз в зияющую бездну. Преисподняя вся рас-

крыта и обнажена. Христос подает руку Адаму, за которым следует Ева, а за ними весь «лик праотцов». Праотцы идут вереницею в три оборота, и вереница не оканчивается, а теряется за «полями» изображения. В «разверстом» аду уже нет людей, которые содержались здесь целые века в великом множестве: все они теперь выведены Христом на волю; а на всем видимом пространстве ада, начиная от открытого входа, идет сражение и расправа над Сатаною, над Князем Тьмы, над Смертию и «аггелами Сатаны». Ангелы поражают их копьями, а самого Князя Тьмы заковывают молотами в цепи. Движение огромное и живое. Христос тут же во второй раз. Фигура Ада так велика, что от нее видна только одна большая голова – вся красная. Сатана – тоже красный, дородством помельче и зато он виден по пояс. При нем неотлучен Иуда с его кошельком, в котором тридцать сребреников. Смерть в «зеленом теле», Князь Тьмы – синий. У всех у них волосы дыбом от страха, который производит «блистание божества». В третьем месте Христос с «благоразумным разбойником Рахом», – дает ему красный крест и посы-

лает его в рай. Это происходит между раем и адом. Рай наверху, – «в ограждении» – там «древеса» и опять весь «лик» праведных, уже вошедших и приветствуемых Ильею и Енохом, которые до сих пор жили в раю только вдвоем. Последним входит Иоанн Предтеча «в шерсти», – у дверей огненный серафим хочет ударить «благоразумного разбойника», но тот ему показывает данный Христом красный крест, и серафим оставляет Раха у дверей, пока разберутся и станет видно, имеет ли он право здесь оставаться. Представляется вопрос: откуда все это взято? А взято все это ни больше, ни меньше как с показания «очевидцев», которые самолично были в аду в ту ночь, когда туда приходил воскресший Христос...

Этого, конечно, нет в канонических книгах, и верить этому ни для кого не обязательно, но все-таки это живет в народе и сохраняется в иконописи, и потому это интересно.

Начать надо с того – «как старейшина жидавская» производил пристрастные допросы над своими же евреями, рассказывавшими, что они видели Христа после Его смерти.

«Видеся же сотник еже Иисус предаде дух, прослави Бога, глагола: „во истину человек сей праведен бе“. И вси пришедшие на pozor сей видяше бываемое, бьюще перси своя, возвращахуся во Иерусалим. Воин же Логгин, прием копие, удари в ребра Иисуса, и абие изыде кровь и вода. (В канонических Евангелиях сказано просто, что „сотник ударил“, но не сказано, что этот сотник был Логгин.) Тогда сотник, пришед к Пилату, возвести ему вся. И оскорбе Пилат зело, и призвав Иудеи, вопроси их, еда зреша знамения, яже в солнце, и иная бывшая о Иисусе умершем? („А что: видели ли вы знамения на солнце и другие, которые явились при смерти Иисуса?“). Они же, слышав сие, рекоша: яже омрачися солнце днесь, якоже и иногда (т. е. „Что же такое? Солнце затмилось так, как это и в другое время бывало“).

«И се Иосиф, иже от Аримафея, сый потаен ученик Иисусов, прииди к Игемону, моли его, да повелит сняти со креста тело Иисусово. И повеле Игемон ему. Прияста же тело Иисусо-

во и обвиста его ризами и ароматы, положи-
ста Иисуса, и привалише камень *над* (sic) две-
ри гроба».

«Иудеи же слышавше, яко Иосиф с Никодимом испросиста тело Иисусово, помышляху как убити я (их) и (с ними) дванадесятих (апостолов), такожде и других иже свидетельствоваху о Иисусе пред Пилатом. Все бо тогда быша вкупе, последи же скрышася страха ради Иудейска. Един Никодим токмо ста пред Иудеи, зане князь бе в них. (Был человек с весом и положением и мог их не бояться.) Сей рече им: чесо ради приидосте паки в сонмище ныне? Они же реша ему: ты же что пришел и како вшел еси семо причастник бо сый Иисусов и в части Его будеши во веки. (А ты сам для чего пришел? Да ты еще как смел и войти сюда – ты ведь Его сообщник! Тебе и самому будет то самое, что и Ему досталось.)»

Никодим представлен человеком горячим, простым и решительным. «И отвецав Никодим, рече: „ей! буди ми тако“». (Т. е. Что же за важность! Я и не боюсь: пусть будет, как вы говорите.)

«По сих же прииде Иосиф (этот рисуется

другого характера), он рече: „учители, чесо ради оскорбистеся на мя, яко испросих тело Иисусово, и погребох в новом своем гробе, и камень возложих нань. Мужие Израильстии, не добро дело сотвористе о праведнице сем, но распясте того, – неповинна суща. И не раскаетесь еще о грехе своем, но и в ребра прободосте его?“»

Но вся эта ласковость и уветливость не помогла Иосифу... «Слышав сие Иудеи яша Иосифа и затвориша в темницу, (Об этом в канонич. книгах нет никакого упоминания.) Завтра же глаголаху ему: виждь яко днесь злыя приидут на тя, смерти же не имаши вкусити ныне, зане суббота настоет: по сей же (т. е. после шабаша) умертвим тебя и тело твое зверем предадим. Отвещав Иосиф, глагола им: той, Его же вы распясте на кресте, силен есть изъяти мя от рук ваших. Не бо, яко же Пилат буду вам. Той бо и без обрезания плотского, но во обрезании сердца своего, очистися от греха, умыся прямо солнцу (перед солнцем), глаголя: чист есмь от крови праведника сего, вы узрите». (Это объяснение умывания рук *перед солнцем*, чтобы оно было свидетелем

непричастности к делу, очень интересно, и достойно замечания, что о нем нигде не упоминается с таким истолкованием.)

«Слышавше же Иудеи словеса сия, исполнишася ярости зело и емше его, всадиша в темницу, и затворивше утвердиша печатями и стражу поставиша. На утрий же князи и старцы людстии собрашеся в сонмище, совет сотвориша, яко да лестию убьют Иосифа. И шедше, отверзоша темницу и не обретоша Иосифа тамо, печатей же целым и дверей затворенным сущим. И уже к тому не смеяху на иных возложить рук, бояхубося». (Боялись, чтобы такого чуда еще вперед не повторилось.)

Чудо это предшествовало первому известию, которое принесли сторожа, приставленные к пещере, где было положено тело Иисусово. Но сейчас вслед за сим приходит и это известие, изложенное опять значительно иначе, чем в наших книгах.

«Еще же сидящим им на сонмищи и судящим о Иосифе, се воины приидоша от кустодии, и глаголюще: яко стрегущим нам гроб, абие *гром бысть велик*, и се ангел Господень сниде с небесе и отвали камень от дверей гроба, и седе на нем, бяше лице его яко же молния и от страха его быхом яко мертви, и слышахом его глаголюща женам, яже приидоша помазати тело Иисусово и стояху у гроба. (По этому описанию выходит, что когда прибежали жены, сторожа все еще спали, или дремали в полусне за пещеркою.) Глагола им ангел: не ужасайтесь, Иисуса ищите назорянина распятого; несть зде, но возста. Приидите и видите место, иде же лежаша Господь и шедше рцйте учеником Его и Петрови, отвергшемуся Его, да не в горшую печаль придет, зане сей Петр, *внегда отрещися ему от Него, плакав горько, не ядыйне пияй даже доселе*. Слышав же Петр возрадовася зело, тече ко гробу и Иоанн с ним. Иоанн же тече скорее (бежал резвее) Петра. Пришед же и Петр ко гробу и приник виде ризе едины лежаща и

судбрь».

Как только известие это дошло до иудейских старшин, те сейчас же распорядились узнать: что это были за женщины, с которыми, по словам сторожей, разговаривал ангел?

«Реша же Иудее: кто суть жены, им же глаголаше ангел? отвеща же воины, реша, не вемы. Глаголаху Иудее, чесо ради не ясте их?» (Для чего вы их не схватили!?)

Сторожа отвечают старейшинам очень резко: «толико знамение видевшe о человеце сем, еще ли не уверовасте Ему? И паки слышахом яже о Иосифе, яко и того затвористе в темнице и двери утвердисте утверждением крепце, и се не обретосте его в темнице, дайте нам Иосифа, и дамы вам Иисуса». Синедрион как бы оробел перед сторожами и начинает с ними переторговываться.

«Глагола Иудее: дадите вы первее Иисуса нам. Воины же отвещаша, глаголя: ни, но вам достоит первее дати нам Иосифа, днесь бо истязуете ны о Иисусе недоведомем, сами же не весте, како Иосиф изведе из темницы: убо и мы не вемы, како Иисус воскресе, изыде из гроба и невидим бысть, такожде и жены

невидимы быша: дайте убо Иосифа и дамы вам Иисуса».

Старейшины не могли сказать – как у них ушел из-под печати Иосиф, и они начинают лгать сторожам: «Глаголаху Иудее, яко отъиде Иосиф во свояси, во град Аркмафейский». Отвещаху же воины, глагола: яко и Иисус, восстав, отъиде в Галилею, яко же ангел, отваливший камень от двери гроба, глагола женам.

«Тогда Иудее, слышавшие сия (т. е. услышав, что упомянута снова Галилея), убояхуся зело и глаголаху: аще услышано будет слово сие о Иисусе, яко восста от мертвых, во всем мире вси людие имут веру ему и уверуют в он, и будем посрамлены от всех и поношение будет на нас от сынов израилевых во веки. И совет сотворше, собраша сребреники довольны, даша воином и заповедаша им с клятвою никому же реши, яко воскресе Господь, но токмо глаголите: яко нам, спящим, приидоша ученики Иисусовы и украдоша тело его. *И аще услышано будет сие у Игемона, яко мзду приясте от нас, мы умолим его и вас беспечальны сотворим.* Они же взявше сребреники от Иудей, рекоша, яко же науцени быша

ОТ НИХ».

IV

Но едва замолкают сторожа, как появляются новые беспокойные рассказчики о новом чуде, если не больше, то во всяком случае никак не меньше удивительном.

«Священник некий именем *Финеес* и *Адда* учитель, и *Исайя Левит*, приидоша от Галилеи во Иерусалим и поведоша архиереом и старцем и Левитом, яко видеши Иисуса на горе, нарицаемой *Елеон*, и с мим единадесятих ученик его, и учаше их». «По сих же отступи Иисус от них, благослови я и вознесся на небо. И се юноши два, светом страшным одеяна, стали пред народом, глаголюще: мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо: имже образом ви-десте Его грядуща на небо, такожде паки приидет судити миру».

Таким будто образом дошла в Иерусалим первая весть о вознесении, принесенная тремя поименованными еврейскими людьми, священником *Финеесом*, учителем *Аддою* и Левитом *Исаиею*.

Сложилось целое сказание, имеющее начало и конец согласный с началом! Иудеи

встревожились и сейчас же принялись действовать с усиленною энергиею. Надо скорее сбить или подкупить Адду, Финееса и Исайю Левита, чтобы они отреклись от своего рассказа.

«Тогда глаголаху архиереи и старцы: заклинаем вы Богом живым рцйте: аще во истину тако бысть, якоже глаголете? Они же реща: жив Господь Бог, – яко же видехом, тако и возвестихом вам. Тогда архиереи и старцы, взявше писания, закляша ни кому же возвестить сего и давше сребреники, повелеша изысти их даже до Вифлеема, в Галилею (?). И отъидоша кийждо во свояси».

Им дали денег, пригрозили никому не рассказывать и выслали всех порознь из столицы.

Так сбыли с рук эту вторую серию очевидцев, но стало беспокойно, что если уж священник, и левит, и учитель разносят вредные синагоге вести, да еще присягают, что это правда, и всем им надо «давать сребреники довольных», то до чего же это может прийти? Тратам и конца не будет!

«Тогда совет сотвориша, архиереи Анна и Каиафа, утешающе их, и глаголаша: что скорбите, сия вся глаголы лжа суть. Ученицы бо Его купиша от воин тело Его и напустиша я рещи: яко ангел с небеси сниде и отвали камень от дверей гроба: и сотвориша тако».

«Но Никодим, ста посреде и рече им: право ли глаголете, николи слышаста людей сих, пришедших от Галилеи и не помниста ли, еже они возвестиша нам? аз же повем вам, яко праведни мужие тии и возвестиша, еже видеша о Иисусе, яко сущу Ему на горе Елеонстей со ученики своими, *вознесся на небо. Точию не вемы, тако ли, яко же и о Исайи пишется? яко с плотию взят бысть на небо, или духом взятся Иисус и отнесен на гору тем же убо подобает нам послати и поискати о нем по всей стране*».

«Тогда послаша мужей от среды своея, и возвращешся тии глаголюще: яко нигде же обретохом Иисуса; бывшим вам во Аримафеи, обретохом Иосифа. Иудеи же, слышавше сия, возрадовахуся радостию велию».

Не разыскав Христа, о котором говорили чудо, они обрадовались, что могли отыскать Иосифа, освобождение которого из темницы молва также представляла чудесным. Теперь представлялась возможность вызвать его в Иерусалим и лично от него узнать, как он ушел из-под камня и печати? Старейшины надеялись, что он разъяснит это как-нибудь просто, и тогда опровержением одного чудесного слуха ослабится вероподобность и того, что сказывают об Иисусе.

Надо только было вызвать Иосифа в Иерусалим, но пойдет ли он сюда из Аримафеи, где он безопасен?

Старейшины обращаются к политическим приемам, которые очень характерны.

«Иудеи послание написаша (к Иосифу) с молением великим – глаголюще: мир ти и дому твоему: согрешихом пред Богом и пред тобою, честнейший Иосифе. Зле бо в темницу всадох тя. И ныне молимтися: потщися и прииди паки во Иерусалим. Се бо раскаяхомся о тебе». «Потом избравше от среды своя седмь мужей честнейших, их же и сам Иосиф любляше, послаша их, глаголюще: идите днесь ко

Иосифу, и аще приемлет от вас писание наше, ведите, яко паки приидет семо, аще ли же ни, ведите, яко озлобих на ны и уже не ктому возвратится во град наш. Вы же целовавше его возвратитесь с миром, и благословивше отпустиша я в путь их». «Послы приидоша ко Иосифу, поклонишася ему и реша: мир ти и всему дому твоему буди во веки. И отвеца Иосиф, рече: вам мир, пришедшим издалеча, и всем людей Израилевым».

«Вземшу же послание Иосифу и прочетшу е, облобыза написанное и благослови Бога, рече: благословен Господь Бог мой, иже посла ангела Своего и покры мя крылами благости своя».

«Тогда уготова Иосиф трапезу и ядоша, и пиша, и почиша даже до утра. Восставшим же им повеле Иосиф уготовати в путь осла и всед на не, отъиде в путь свой во Иерусалим. И бысть, егда вхождаше во Иерусалим, изыдоша иудеи во стретение его – глаголюще: мир тебе господине Иосифе, Иосиф же, целовав их, рече им: буди и вам мир». Тогда Иосифа «закляли на книге закона» говорить правду: как он ушел из-под замка и печати.

«Глагола Иосиф: мужие братие! ведомо вам буди, яко в день той, внегда затвористе мя, пребых тамо чрез всю ночь и день субботный, даже до другия ноци. О полуноци же (в час воскресения Христа), стоящи ми на молитве, се верх темницы, в ней же бех, взялся от места своего, и отъятся от четырех угл и видех свет пред очима моима, и пристрашен бых аз, и падох на землю, и возрев, видех пред собою стояща мужа, и той взят мя за руку и постави на нозе моя, и изведе из темницы. Тогда облобызав мя, рече: не бойся Иосифе и возведи очи твоя и виждь, кто есть глаголай с тобою. И пристрашен бых аз, мняще дух видети, и рех ему: кто еси Господи; Илия ли, или един от пророк? И отвеця ми глаголя: несмь Илия, ни пророк, но Иисус есмь Христос; Его же испросил еси у Пилата на погребение».

Таким образом надежды старшин услышать от Иосифа опровержение тревожных для них слухов были разрушены и вместо опровержения они получили новое свидетельство от уважаемого человека, что и он сам видел Иисуса воскресшего.

Для иудеев дело принимало самый отчаянный оборот, потому что Иосифа Аримафейского подкупить было невозможно.

VI

«Никодим и архиереи и старцы», услышав то, что сказал им Иосиф, так испугались, что попадали ниц, «и быша яко мертвии, и не ядоша, не пиша даже до вечера». Первый поднялся Никодим, и «глаголя им: восстаните на нозе ваша, помолимся и вкусите от брашен и укрепитесь, яко суббота заутра есть». Старцы «воссташа и возмоша ясти», а перебив шабаш, придумали вызвать из Галилеи тех трех человек, которые говорили, что они Христа видели, но, однако, позволили себя подкупить «взявше довольны сребреники». Рассадили их порознь и стали сбивать на переспросах, а потом начали сводить вместе на очи.

«Они же исповедаша истину, яко же и пер-
вое свидетельствоваху о нем».

Анна и Каиафа не хотят и слышать, но встает Иосиф и делает посылку на новых лиц, которые со Христом ожили и встали из своих могил и *теперь живут снова*. Эти были уже в аду и там все видели.

«Внемлите, еже реку вам! говорит Иосиф

Аримафейский: весте Симеона, иже срете в церкви и прият Иисуса на руку свою, младенца суца. Сей имеяше два сына, иже умроста уже (они уже умерли, а между тем), и виде-хом их вси. Тецыте убо ныне и видите яко гробы его отворена суть, зане воскресоша (они уже ушли из гробов, и теперь) во Аримафеи суть в молитве и молчании пребывающе. Идем убо к нима молящие (и упросим их), да приидут семо, и вопросим их с клятвою возвестите нам, како воскресоста?» Иудее же, слышавше сия, возрадовашася зело и шедше Анна и Каиафа, Никодим, Иосиф и Гамалиил ко гробу его (к фамильной гробнице Симеона) и не обретоша (не нашли тех двух его покойных сыновей). Идоша же во Аримафеи и обретоша я коленопреклененна молящася, и объ-емше и целовавше, ведоша в Иерусалим в Церковь. Затвориша же двери, приемши скрижали Господни, возложиша на ня, и за-клявше Господом Богом Адонаи и Богом изра-илевым (подвели под присягу) и реша: рцыте ныне; аще веруете, яко Иисус воскреси вы от мертвых, возвестите убо нам: еже видеста и како воскресоста? Кариин же и Лектий (сыны

Симеоновы), слышавше сия, трепетна быста, и воздохнув и воззрев на небо, вообразиста персты своими знамение креста, на языке своего рекоста: дадите хартию нама и напишем еже вема. Они же даша има и воссед писаста.

Отсюда начинается рассказ о происшествиях во аде, списанный Кариином и Лектием, которые сами в то время были в аду и все сами, своими глазами видели, и своими ушами слышали, и оба собственными руками одно и то же слово в слово на хартии написали.

Вот это любопытное сказание.

VII

«Седящим нам всем со отцы нашими в преисподнях ада, во тме кромешной, се внезапно свет, яко свет солнца и луч, яко луч огня облиста ны. Адам, отец земнородных, и патриархи, и праотцы, трепетни быша, и рекоша: се луч с т источника света вечного». Всех прежде понял явление пророк Исаяя. Он воскликнул: «сей есть свет Отца и Сына Божия, якоже предрекох, сый на земли в животе моем».

Все засуетились.

Приходит Симеон и сказал «боящимся»: «прославим Иисуса Христа, Сына Божия, его же аз приях младенца суща, в руку мою». Едва Симеон кончил, – выходит «муж во образе пустынножителя, и вси сущий в преисподнях (бросились к нему и) вопросиша его глаголюще: рцы нам, кто еси ты?» Пустынножитель отвечал: «аз семь глас вопиющего в пустыне – Иоанн Креститель и пророк вышнего. Аз видех Иисуса грядуща ко мне и рекох о нем Духом Святым: се Агнец Божий, вземляй грехи мира, тем же и ныне предтекох Ему и снидох

возвестити вам, яко в славе Сын Божий снидет с высоты своєю семо».

Тотчас началось в аду чрезвычайное оживление, все спешили сообщать дошедшую до них радостную новость друг другу, и стали посылать один другого далее по всем областям ада. Так радостная весть быстро дошла до самого Адама и тот сейчас «призва Сифа сына своего и глаголя ему: шед возвести сыном твоим патриархом и пророком вся, иже слышал еси от архангела (sic), всегда болящу ми, послах тя ко вратом рая испросити помазание на главу мою». Сиф пошел исполнять волю отца, и «приступи к патриархом и пророком и глаголя им: аз семь Сиф. Егда молихся у врат Рая (просил отцу лекарства), се ангел Господень явися мне, глаголя: Сифе, да не проливши ныне слез пред Господем, не дастся бо тебе елей милосердия, во еще помазати главу отца твоего, в болезни суца: несть бо возможно сие, последи же имеет быти, внегда скончуются лета пять тысяч и пять сот. Тогда возлюбленный Сын Божий приидет на землю возвести Адама и воскресити с ним телеса умерших».

Тут все святые, дожидавшиеся в аду, обрадовались и, ободрившись духом, стали уже наступать на Князя Тьмы и гнать его вон из ада, чтобы Христу было не скверно сюда спуститься в его присутствии.

Сатана, однако, не выходил. Пророк и царь Давид поддержал общее движение толпившихся в аде, возгласив: «не предрекох ли в животе моем, яко изведе я из тьмы и сени смертныя, и врата медная сокруши и верей железный сломи». Но Сатана и царя Давида не слушался, – тогда отозвался пророк Исайя, глаголя: «и аз предрекох в животе моем: воскреснут мертвый, восстанут сущий во гробех, и вси земнороднии возрадуются!» Но Сатана и Исайю пророка не послушался.

Тогда в аду сделалось всеобщее движение и против Князя Тьмы раздался голос из иных сфер, откуда Князь Тьмы и сам сообразить не может.

«Се услышан бысть глас шумен – яко глас грома, глаголющ: возьмите врата князя ваша и возमितесь врата вечныя, се бо входит Царь славы». Сатана впрочем и тут все-таки еще продолжал упорствовать и обратился к хит-

рости. «Князь адский слышав сия, и творяй себе не разумети слышаннаго (притворился будто не понимает) и рече: Кто есть сей царь славы?» – Давид отвеца ему: «Господь силен в брани, той есть Царь Славы. Се Он прииде с высоты святых своя: услышати воздыхание окованных и разрешити сыны умерщвленных! Отверзай убо врата и внидет Царь Славы!»

Услыхав это, все святые, патриархи и пророки еще более обрадовались и заплескали в восторге ладошами. Шум радости и ликования сделался так велик, что его услышал сам «Сатана – глава смерти», пришел сам.

VIII

Сатана стал говорить с ласкою: «Се аз готов есмь прияти Иисуса Назарянина иже непщева себе на земли Сыном Божиим быти». Он мне не опасен. Он боялся смерти и говорил: «прискорбна есть душа моя даже до смерти». Правда, что он делал мне много неприятностей (сотвори пакости мнози) тем, что исцелял тех, кого я поражал недугами, и воскресил много мертвых, но это еще не страшно. Выходит, что Сатана не понимал Иисуса Христа и судил о нем не высоко, почитая его за смертного, и притом еще за такого, который боялся смерти и говорил: «прискорбна есть душа моя». Но Князь Тьмы хоть и меньше значит в аду, чем Сатана, однако он оказался благоразумнее и осторожнее.

«Князь же ада отвеща Сатане, глаголя: како может сем такову власть имети; аще бо человек прост был? вси бо владыцы мира сего под державою моею суть, их же поработил ми еси силою твоею; сей же во истину силен есть и не токмо за человечество, но и за Божество, и никто власти его противостати может. Еда

же и рече сей, яко убояся смерти, не ими веры ему (если он и сказал, что боится гмерти – то ты ему не верь), зле-бо будет нам отселе (худо нам будет)».

Сатана же остался легкомысленником, и «слыша» сие, отвеца: Он не может противостать нам, – я уже его искусил, возмутив против него ревностию и гневом народ Иудейский, и Смерть прикоснулась к нему. Не бойтесь, – я его приведу к вам покорного.

Князь Тьмы опять сдерживает пылкость Сатаны.

«Глагола Князь Тьмы: не сей ли, иже Лазаря воздвиже четверодневна, его же аз держак мертва? заклинаю тя силою нашею, да не приведеши его семо: яко се Бог-Вседержитель есть, и может творити вся яко же хочет».

А пока они между собою это переговорили, «се абие слышан глас бысть, яко глас грома и бури: возьмите врата князи ваши, ее бо входит Царь славы».

Испуганный Князь Тьмы закричал Сатане: «бежи скорей и удались от жилищ адовых, а если ты силен, то сразись с ним!»

Но увидав, что Сатана все храбрится и хо-

чет сам ввести Христа в ад, Князь Тьмы рассердился «и изгна Сатану от жилищ своих и глагола клеветом своим: заключите (заприте скорее) врата медная и противостаните». И только что Князь Тьмы успел сделать это распоряжение, как «Господь в велелепии Божества и во образе человечестем сниде и осия тьму вечную и узы нерешимыя расторже».

«Тогда Смерть со клеветы своими объята бысть ужасом и возопи: побеждены есьмы тобою, яко смятение вселил еси в нас!»

«Тогда Господь славы поверже смерть к ногу своюю, и Князя адова обессили, и возвед отца земнородных к свету». Что собственно и изображается по «подлиннику» на иконе «Воскресения с сошествием».

Обессиленный Князь Тьмы не сопротивлялся, но «начел укоряти Сатану: о сатано! Что восхотел еси распяти Царя славы! Не веси ли ныне, яко безумен еси! (узнал ли теперь, что ты глуп)».

Ссора и перебор у Князя Тьмы с Сатаною вышли на виду у всех, и самого Иисуса Христа, который в это время отозвался с словом к Князю Тьмы.

«Глагола Вельзевулу: отныне да будет Сатана во власти твоей во век, и поработает ти во Адама место и сынов его, иже кровию моею оправдишася».

Этим Спаситель кончает с Сатаною и обращается к пострадавшим в аду праотцам.

IX

«Простер Иисус десницу свою, глаголя: «Приидите ко мне вси снятии, созданныя по образу моему, иже осуждени бывше преступлением заповеди, еже о древе – оживитеся ныне древом креста моего. Князь-бо мира сего осужден есть и смерть попрана».

«Тогда вси святии собращася под-руку Все-вышняго: Господь же держа десницу Адама, глагола ему: мир ти и чадам твоим». – Этот и последующие эпизоды изображаются на истовых иконах «Воскресения с сошествием».

«И припаде Адам к коленома Господа Иисуса Христа, моли его со слезами, глаголя: вознесу тя Господи, яко подъял мя еси и возвел еси от Ада».

«Такожде и вси святии, припадше к ногу Иисусову. Господь же простре десницу, сотвори знамение креста над Адамом и над родом его и взем за руку Адама, изведе от ада и вси святии с ним». Это и есть тот ход в несколько раз обороченною вереницею, которая занимает средний план иконы.

«Царь и пророк Давид» как только трону-

лись, запел: «Воспойте Господеви песнь нову». Святые отвечали антифонами: «Слава сия будет всем преподобным Его». «По сем же пророк Аввакум возопи: „исшел еси во спасении людей твоих, спасти помазанныя твоя“. Святые на ответ Аввакуму запели: „Благословен грядый во имя Господне“. Итак: „вси святии и пророцы“ проследовали из ада в рай с пением „хвалу воздающе и идоша во след Господа“».

«Держан Господь руку Адама, введе его Архангелу Михаилу и вси идоша с ним, и со славою введени быша в рай».

Но и в раю начинается то же недоумение: там тогда было всего только два обитателя, Енох и Илия, и они удивились, что это за огромное нашествие и кто его ведет. «Два старца стапта пред ними (пришельцами из ада) и вопросиша их святии: кто еста, не бо беста с нами во Аде. Един же от них отвешав: аз есмь Енох, а сей Илия Фезвитянин».

«Егда же Енох и Илия глаголаста сия, прииде муж некий странен, носяй крест на раме своей, и святии вопросита его: Кто сей? зрак разбойника имый, и чесо ради носиши крест

на раме своей?»

«Он же отвеща: во истину разбойник есмь, много бо зла сотворих на земли, и со Иисусом распят бех, и даде ми крест свой – глагола: иди, и аще ангел, иже при вратех рая, воспретит ти вход, яви ему крест и рцы: яко Иисус Христос, днесь распятый, присла мя к тебе».

Этот «ст. Рах разбойник» или по неправильному обозначению титла «Страх разбойник», или «Благоразумный разбойник» (которого видим на картине Ге) у самых ворот рая дожидается с крестом на ладони.

«Скончавшу же разбойнику глаголы сия, вси патриарси и пророци возопиша гласом велиим: Боже Вседержителю! устрой убо ему милость Твою и рцы, и постави его в животе вечнем».

Этим оканчивается рукописание на хартиях, на которых писали сыновья Симеона, бывшие очевидцами событий в аду. Рукопись, которую они дали еврейским архиереям, заключалась следующим заявлением:

«Сия убо суть священная и божественная таинства, яже мы, Кариин и Лектий и вси сущии тамо видехом; прочее же возбрани нам

возвещати (прочего же что еще видели, мы открыть не можем), якоже яви нам архангел Михаил, повелевый намо идти с братиею нашею во Иерусалим». Егда же сконча кийждо писати сия, вдаде Карий писанное Анне, Каиафе и Гамалии, Лектий же Никодиму и Иосифу, и внезапно преобразистася пред ними, и беста бела яко снег, и невидима беста. Писание же обою равно бе, и *неразличествовани в едином словеси*. Тогда весь сонм Иудейский, видев сие, дивися, и глагола друг ко другу: во истину Сын Божий есть, сотворивый сия. И изыдоша от сонмища, плачуще и бияще перси своя, и отъидоша во свояси. Иосиф же и Никодим возвестиста Игемону вся бывшая и написа сия Пилат и положи в кивоте.

Вот почему на некоторых старых лубочных изображениях «суда» вместе с «старейшинами иудейскими» сидит Пилат в епанче, в узких штанцах в обтяжку и в шляпе с пером вроде атаманской. Там же обозначается какой-то сундучок, в котором повидимому нет никакого смысла, если не знать, что он спрятан в «кивоте».

Х

«**В**ниде Пилат в церковь и собрав архиереи и книжники, повеле заключить двери и глагола: увидев, яко имаше книгохранительницу церковную, сего ради заклинаю вы Богом отец ваших, не сокройте правды от мене, рцыте ми, еда-ли в писании обретаєте, яко Иисус, его же распясте, Сын Божий бе? Тогда повелеста Анна и Каиафа изыти из церкви всем, и заключивше двери, рекоста Пилату: едга распяхом Иисуса, не ведехом его Сына Божия быти, мняще яко волхвовании знамения творяше. Таже по смерти его поискахом о еже содела; и обретохом свидетелей мнозех от колена нашего, иже видеша его жива по страдании и смерти; и сами видехом двою свидетелю, их же воскреси Иисус от мертвых. Тии бо возвестиша нам дивная чудеса, яко сотвори Иисус во аде; обычай же имама на всяко лето искати от писаний свидетельства Божия, и обретохом в первой книзе толкований, яко глагола архангел третьему сыну Адама, яко по пяти тысящах и пятистах летех, имать прийти с небесе взлюбленный сын Божий

Христос; и разумехом, яко той есть Бог Израилев».

XI

Таким образом даже и для помещения Пилата сидящим в собрании с архиереями и старейшинами иудейскими есть письменное основание, к которому первые компановщики иконы «суда» и «сошествия», конечно, отнесли с полным доверием и критиковать его не могли, да вероятно, и не желали.

Сюжет этот как вошел в иконописный «подлинник», так и стал воспроизводиться, и почитался до церковной реформы за «правильное». После реформы, когда старое стали почитать за неправильное, новые «фрязьские мастера» начали писать икону «Воскресенья» иначе.

Апокриф же этот, из которого сделаны выписки, объясняющие кажущуюся произвольность фантазии русских иконописцев, весьма многим из простолюдинов известен, и вот что я, например, помню о распространении его во время всеобщего безграмотства среди самых темных, крепостных крестьян в Орловской губернии.

В селе Добрыни, где я проводил детство,

был диакон на дьячковской вакансии. Он получил свое скромное место в приданое за женою, бывшею дочерью униатского попа или распопа, по имени Фока. Отец Фока был «из непокорных униатов». Впрочем, все данные для истории Фоки у нас ограничивались тем, что он «с митрополитом Семашкой был в школе товарищ и вместе с ним на православие подписался, но не захотел „долгих кос косить“, и так заспорил, что сказал: „я тебя переживу“. Семашко же будто отвечал Фоке; „а я тебя на высыл представляю“. Каждый и начал доказывать друг другу то, чем грозился. Семашко удалил Фоку с места и „представил на высыл“, а Фока пошел его „переживать“. Высыл Фоке вышел из Виленской губернии в Орловскую, где о ту пору был архиерей из южных уроженцев, – нерасположенный к Антонию Семашко. Это стечение обстоятельств послужило в пользу Фоке: архиерей узнал о бедственном положении голодавшего „недоверка“ – и „предоставил одной из его дочерей дьяческую ваканцию в селе“. Но этим еще владыка орловский не окончил свою укоризну Семашке, а взял да и произвел Фокина зятя

из дьячков в дьяконы. Сам же Фока как-то совсем отпал духовного чина, ходил в „сурдуге“ и обучал латинскому языку и другим наукам детей у нашего предводителя, а потом остался у него „вольным секретарем“. Что касается духовных прав отца Фоки, то никто не знал, как на этот счет располагать о нем. Приходские батюшки не отчисляли Фоку ни к приказным, ни к благородным, но в отличие от себя называли его „распопом“, а мужики, слышавшие, что он „униат“ – без дурной мысли именовали его „тунеядом“».

У Фоки была изрядная библиотека, в которой находилось много книг почаевской и гродненской славянских типографий и несколько рукописей, – извлечений и переводов, сделанных самим отцом Фокою.

Когда Фока умер и библиотека его перешла к его зятю диакону на дьяческой вакансии, – тот устроил литературное сокровище Фоки сообразно своему усмотрению, и только одну рукопись оставил себе «для душевной пользы», а польза заключалась в том, что в пасхальную ночь, когда дворяне, их дети, дворовые люди и мужики, боясь ночной темноты и

распутицы, прибывали из деревень к церкви с вечера и в ожидании заутрени размещались по домам на поповке, – тогда каждый год в риге у диакона составлялось прелюбопытное чтение, за удовольствие слушать которое всякий «слухач» должен был дать три копейки на свечку.

Тут мы и получали о предстоящем часе воскресения Христова такие любопытные сведения, каких ни в каком другом месте не получишь. И вот зато теперь нам странно и смешно слышать, что чужестранцы толкуют, будто самая любимая икона русского народа «пишется по фантазии художника», а бывшие в ту пору в Париже писатели наши не нашлись это поправить. Пусть, однако же, хоть далее не думают так ошибочно наши просвещенные люди, которым не пришлось раньше узнать сб этом.

Впервые опубликовано – «Петербургская газета», 1894.